

Как только Чжао Цюань тяжело кивнул, староста деревни и личжэн со своей группой наконец заняли свои места.

Чжао Цзимин, еще когда услышал от Чжао Чанфу о намечающемся разделе, предусмотрительно захватил с собой поземельную книгу. В ней было четко зафиксировано, сколько му земли числится за каждым хозяйством в деревне — от этого учета невозможно было ни скрыться, ни отвертеться.

Староста раскрыл книгу на нужной странице и, пробежав глазами записи, произнес:

— За вашей семьей числится двенадцать му. Из них восемь — земли первого сорта, плодородные, и четыре — суходола, низшего качества. У вас шестеро сыновей, да плюс вы сами с женой, итого получается семь долей. Двенадцати му на всех не хватит, чтобы выделить каждому по два. Если выделять по одному му на человека, останется еще пять му. Поступим так: те, кто возьмет по два му, получают меньше прочего имущества. Те же, кому достанется лишь по одному, получают больше инструментов и припасов в качестве компенсации. Решайте сами, как вам удобнее.

В их краях уголья строго делились на сорта. К первому относились заливные поля с хорошей почвой, дававшие богатый урожай. Суходолы же были засушливыми, каменистыми и скудными — на таких наделах мало что росло.

Разница в цене тоже была существенной: му плодородной земли стоил около шести лянов серебра, в то время как за бесплодный участок просили не больше двух-трех. В прежние годы вокруг деревни еще оставались пустоши, которые любой желающий мог распахать и забрать себе, получив освобождение от налогов на первые три года. Но теперь свободных земель почти не осталось, и цены на пашни внутри общины резко подскочили.

— Мы этих троих столько лет кормили! — взвизгнула старая госпожа У. — Вся земля в этом доме — наша! Мы выделим им один му суходола, и это наш предел. Больше не просите!

Для старухи даже этот клочок паршивой земли был сродни оторванному от сердца куску мяса.

Чжао Цзимин нахмурился и с громким стуком захлопнул книгу. Он явно не собирался спускать старухе такую наглость.

— Госпожа У, если мне память не изменяет, те четыре му суходола распахал Чанмин? Он тогда целыми днями с мотыгой с поля не вылазил, пока вы все дома сидели. Если по совести, так я должен все эти четыре му ему и отдать, а вы тут из-за одного му торгуетесь?

Староста прекрасно помнил, как Чжао Чанмин, будучи в деревне, постоянно пропадал в лесу.

Он охотился, продавал добычу, а вырученные деньги до последнего медного гроша оседали в бездонных карманах мачехи. В те годы у Чжао Цюаня было всего четыре му, а остальные земли они прикупили позже. Были ли там деньги Чанмина? Чжао Цзимин точно не знал, но был уверен: парень вкалывал за троих и приносил в этот дом куда больше, чем забирал.

И как же оплатили ему родители? Имея серебро в закромах, они пожалели его на откуп и намеренно отправили приемного сына на верную смерть в армию. С тех пор прошло много лет, а Цзи Юань с детьми в этом доме видели лишь побои да издевательства. Староста, будучи человеком сторонним, и то не мог на это смотреть без содрогания. По его глубокому убеждению, Цзи Юаню лучше было жить впроголодь на свободе, чем оставаться в этом логове.

Но сегодня он во что бы то ни стало вознамерился вырвать для отца и его сыновей достойный кусок из загребущих лап четы Чжао.

Сам Цзи Юань знал о прошлом своей семьи куда меньше старосты. Видя, что за него есть кому заступиться, он стоял в стороне, не проронив ни слова.

Дачжуан и Эрчжуан крепко прижимались к отцу, настороженно и враждебно поглядывая на родственников.

— Не бывать этому! — старая госпожа У подскочила на месте, словно ошпаренная.

Чжао Цюань поспешно схватил жену за руку, усаживая обратно, и обратился к посредникам:

— Вы же видите, сколько ртов мне нужно кормить. Если я отдам им много, нам самим не выжить. Я выделю им два му суходола. Это всё, что мы можем дать.

Чжао Цзимин понимал, что старик говорит долю правды — он не хотел пускать по миру всё семейство Чжао. Староста посмотрел на Цзи Юаня, ожидая его решения.

Цзи Юань понимал, что два му — это предел их щедрости. К тому же, он совершенно не умел обрабатывать землю, и огромные наделы были ему ни к чему. Поэтому он молча кивнул.

Когда с землей было покончено, Чжао Цзимин продолжил:

— Теперь запасы зерна, деньги и домашняя утварь. Нужно поделить и это.

Старая госпожа У снова было дернулась, но железная хватка мужа удержала её на месте.

— Зерна у нас почти не осталось, — тяжело проговорил Чжао Цюань. — Не уверен, что дотянем до нового урожая. Но раз они съезжают, мы выделим им долю. Что до денег... в крестьянском доме их отродясь не бывало. Столько ртов, весь год спину гнешь, лишь бы с голоду не

помереть. Серебра у нас нет.

По сравнению с воплями старухи, спокойные слова Чжао Цюаня звучали куда убедительнее.

Староста и личжэн переглянулись. Они знали, что в их деревне мало кто мог похваться излишками серебра, поэтому доводы хозяина дома приняли на веру.

В итоге, после долгих споров и пререканий, Цзи Юань получил два му суходола, мешок зерна, несколько щербатых чашек, разбитый горшок и покосившуюся лачугу. Больше ему ничего не дали.

Однако у Цзи Юаня было еще одно условие.

— Раз вы сами так настойчиво гоните нас прочь, — произнес он, обводя присутствующих холодным взглядом, — я согласен. Но при одном условии: с этого дня мы, отец и сыновья, больше не имеем к вам никакого отношения. Вы не заботитесь о нас, а мы — о вас. Что бы ни случилось в вашем доме, это нас не касается. Мы составим расписку и пропишем это черным по белому. Если согласны — я подписываю раздел. Если нет — мы остаемся здесь и будем дальше «почитать» своих родителей, как и прежде.

У старой госпожи У слова застряли в горле. Она посмотрела на него с такой ненавистью, будто в её взгляде читалось:

«Кто захочет вашего почтения! Проваливайте поскорее!»

— Что ж, пишем расписку, — первым согласился Чжао Цюань. Он и сам хотел предложить нечто подобное, но боялся показаться жестоким. Условие Цзи Юаня пришлось как нельзя кстати — старик просто «поплыл по течению», скрывая свою радость.

К счастью, староста принес с собой письменные принадлежности. Он расстелил бумагу на столе, обмакнул кисть в чернила и, уточнив еще раз волю сторон, начал писать.

Прежний владелец тела был неграмотен, но нынешний Цзи Юань в своей прошлой жизни изучал письменность Древней Земли. Знаки этого мира немного отличались от того, что он знал, но основы были схожи, и он вполне мог разобрать смысл.

Староста излагал всё верно: старшая ветвь отделяется, наделы и припасы указаны точно. В конце отдельным пунктом стояло: «Отныне жизнь и смерть старшей ветви не касаются старого дома, равно как и дела старого дома не касаются их».

Удовлетворенный, Цзи Юань кивнул. Так было лучше всего — подальше с глаз, чтобы не портить друг другу кровь.

Расписку составили в двух экземплярах. Обе стороны прижали к бумаге пальцы, измазанные в туши, скрепляя договор. Один лист забрал Чжао Цюань, второй бережно спрятал Цзи Юань.

<http://bllate.org/book/15315/1354428>